КУЛЬТУРА И НАУКА

БРЕМ

Николай НЕПОМНЯЩИЙ

ВЕЛИКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕРСОНЫ

Николай Николаевич Непомнящий

Брем

Серия «Великие исторические персоны»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5978032
Николай Непомнящий. Брем: Вече; Москва; 2012
ISBN 978-5-9533-6140-8

Аннотация

Человек с мировым именем. Пожалуй, в первую очередь это понятие можно отнести к Альфреду Брему. Его книга «Жизнь животных» и сейчас, спустя 150 лет после первого издания, привлекает все новых читателей. В чем же ее сила? Что за человек создал этот труд? Как сумел он соединить научность и популярность изложения, да так, что люди искренне считали его «отцом животных»? Брем не расчленял скальпелем их тела, не изучал мертвую материю под микроскопом, он всего лишь наблюдал в поле и в лесу Жизнь во всех ее проявлениях. Свои знания он начал приобретать в долгих и изнурительных экспедициях, которые вели его не только через пустыни и тропики Африки, но и по полярным областям и горным районам Центральной Азии и Сибири, сделав его поистине Человеком всей земли.

Содержание

Птичий пастор 4
Время учебы 10
В Греции: новые впечатления 13
Египет: Александрия и Каир 20
В компании миссионеров 28
В глубь Африки 36
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Николай Непомнящий
Брем

Птичий пастор

Почему книга Брема «Жизнь животных» и сейчас, спустя 150 лет после первого выхода, привлекает все новых читателей? В чем ее сила? Что за человек создал этот труд? Как сумел соединить научность и популярность изложения, да так, что люди искренне считали его «отцом животных»?

Альфред Эдмунд Брем ощутил непередаваемый книжный запах в доме своего отца в городке Рентендорфе, что в Тюрингии, на юге Германии, в самом детстве. Семья не отличалась достатком, но и не голодала. Нищета Альфреду, по счастью, была неведома, поэтому мальчик мог не трудиться на близлежащей ферме, а проводить время на природе. Отец был ему хорошим наставником, а мать усердно прививала литературные вкусы и пристрастия.

Кристиан Людвиг Брем (1787—1864) был известен далеко за пределами своего прихода. Причем славу в округе он завоевал не нудными проповедями христианского учения, а активной помощью простым людям – кому добрым советом по жизни, а кому и куском хлеба. Длинные проповеди вообще были не в его стиле. Добрый пастор был желанным гостем

в любом доме, а вместе с ним всюду поспевал его любознательный сынишка.

Небольшой городок, раскинувшийся на обоих берегах Роды, окружали леса, луга и поля, в которых водились бесчисленные пернатые, и «птичий пастор», как его прозвали соседи, избрал их главным местом своей работы, более любимым, чем церковная кафедра. Причем путь к природе он открыл сыну не через любование ею, а посредством внимательного изучения, с трезвым умом и добрым сердцем.

Старик Брем основывал свои наблюдения прежде всего на работе замечательного немецкого натуралиста Иоганна Андреаса Наумана (1744—1826), самоучки, беспредельно преданного науке, который в результате непрестанных трудов создал новую область знаний – научную орнитологию для Центральной Европы. В конце концов после его систематических глубоких исследований в 1820—1844 годах появился капитальный 13 томный труд «Естественная история птиц Германии», поистине кладезь знаний о пернатых всей Европы.

Старший Брем так оценил работу Наумана: «Я признаю свои скромные достижения в орнитологии только на фоне успехов обоих Науманов – отца и сына. Этот труд стал классическим для всех, кто изучает и будет изучать птиц по всему миру».

В стремлении к познанию он мог проводить ночи, препарируя тушки птиц. Старший Брем беспрерывно пополнял

свои и без того огромные собрания. К моменту его кончины коллекция составила без малого 15 тысяч экземпляров птиц, добытых по большей части им самим. Остальные были выменяны им или подарены ему другими увлекающимися орнитологией людьми. За всю свою жизнь он не купил ни одного экземпляра для своей коллекции!

В его время собиратели чучел птиц старались сделать свои коллекции эффектными, яркими, пестрыми, привлекательными для зрителей. Людвиг Брем преследовал иные цели. Он собирал множество экземпляров одного вида – обследовал целые серии, методично, одну птицу за другой, выявляя изменения в окрасе, размерах, форме, причем и молодых птиц, и достигших зрелости, к тому же охота и силки были для него не страстью, не самоцелью, а средством служения науке. Самым главным для него было время наблюдения и подслушивания животных от выхода в поле ранним утром до возвращения домой поздним вечером. В итоге благодаря этому опыту была написана его первая книга «Вклад в изучение птиц» (1822).

Она была полна свежих впечатлений от увиденного и, главное, закрывала крупные пробелы в работе Иоганна Маттеуса Бехштайна (1757—1822) «Общеполезное изучение естественной истории», которую Альфред буквально «проглотил» в молодости.

Подобные увлечения христианского пастора на фоне всеобщей религиозности не могли не вызывать нападок кол-

лег-единоверцев. Наблюдения за пернатыми и занятия естественными науками явно не вязались с догматами католичества. Слишком редко пастор появлялся на проповедях, предпочитая им свои походы в лес и ночные описания птиц при свете свечи. Сам Брем-старший иронично и со свойственным ему чувством юмора вспоминал об этом противоречии в своей жизни: «Я полагался на творения создателя нашего Господа Бога только там на все сто, где явно чувствовал его вклад в нашу природу. В этом я находил единственное утешение в своей сопричастности с божественным. Но это не мешало мне нести собственного Бога в своем сердце».

Кристиан Брем описывал не только внешний вид птиц, но и их возможные изменения цвета, формы и поведения. Не боялся вносить коррективы в ранее установленные факты, дополняя и поправляя самого себя. Маленький тюрингский городок превратился в настоящий магнит для всех немецких орнитологов. Каждый день почтальон приносил десятки, бывало, и сотни, писем и посылок не только из окрестных городов, но и со всей Европы. Коробочки и ящички с тушками птиц стояли везде в доме – на столах и подоконниках, даже прямо на полу. Самому пастору Брему окружающий мир оставался неизвестным, он никуда не ездил, но этот мир шел к нему сам…

Старый Брем полностью посвятил себя изучению птиц родной Германии, и он стремился поделиться со всеми своими знаниями и открытиями. Важным решением было со-

здание на свой страх и риск в 1824 году первого орнитологического журнала «Орнис», предназначенного как для знатоков, так и для новичков в деле изучения птиц. К огорчению пастора, проект провалился: вышло только три номера, которые сегодня представляют собой великую библиографическую ценность.

Своей работой старший Брем старался прежде всего вдохновлять, а не поучать кого-либо. Науман, чья деятельность не достигла уровня успеха Брема, конечно, вносил свой вклад в дело первого научного знакомства с видами местных птиц. Он вспоминал о положении орнитологии в начале своей работы: «Давайте вернем себя в последнюю четверть XVIII столетия. Мы поймем, что вся орнитология основывалась на безудержном убийстве огромного множества птиц. Крайне редки были случаи, когда ученые интересовались не количеством, а научными теоретическими знаниями». Именно Кристиану Брему можно быть благодарным за то, что в Германии середины 20 х годов XIX века пробудился живой интерес к изучению пернатых. Причем в удивительно гармоничном сочетании теоретических познаний и реального опыта полевых исследований.

Старший Брем строго придерживался канвы науки и остерегался строить ее здание по собственным меркам. Однако список его трудов не так уж и мал – 142 публикации! Недаром известный дрезденский врач, естествоиспытатель и художник Карл Густав Карус (1789—1869) в своем некроло-

ге, посвященном Кристаину Брему, написал: «Его имя будет навечно внесено в анналы науки».

…14 е заседание Общества немецких ученых и врачей, состоявшееся в Йене в 1836 году, было для Кристиана Брема особенно важным. Здесь ему была оказана честь в рамках пленарных заседаний выступить с докладом по зоологии и, несмотря на критику коллег, решил продолжить работу и завершить составление коллекции. Ловля птиц была в его эпоху обычным делом, отменить ее он был не в силах, хотя и хотел бы. Чтобы хоть как-то повлиять на людей, занимающихся изъятием пернатых из природы, он издал в 1831 году книгу «Совершенная ловля птиц». Сначала изучить, а потом, только если нужно, – ловить… Вот девиз этого издания, не потерявшего актуальности и сегодня.

Время учебы

Альфред Эдмунд Брем, родившийся 2 февраля 1829 года, был первым ребенком, появившимся во втором браке Кристиана Брема с Бертой Рейц. От первого брака у него родилось 8 детей, 6 из которых умерли, прежде чем достигли года жизни.

Из шести детей от второго брака только один умер рано. С Альфредом Эдмундом Бремом жили в доме священника его сводный брат Оскар (1823—1850) и его младшие братья и сестры Рейнгольд (1830—1891), Фекла (или Текла) (1833—1857), а также умственно отсталый Эдгар (1835—1890) и Артур (1839—1876).

В странствиях по долинам и лесам пастора всегда сопровождали сыновья. На радость отцу все они проявляли интерес к природе. Но в сравнении с ними юный Альфред выказывал куда большую привязанность к увлечениям отца и вскоре приобрел немалый опыт полевых и камеральных изысканий. Прискорбно, что маленькой зарплаты сельского священника не хватало для того, чтобы мальчик мог продолжить дальнейшую учебу. Обучение на фармацевта брата Оскара отнимало все имеющиеся средства. Но, несмотря на все трудности, мальчик после окончания деревенской средней школы в Альтенбурге в 1844 году был отдан в обучение на мастера-строителя Фридриху Шпенгеру, который спустя год

имел все основания для следующего заявления: «Могу свидетельствовать о его великих послушании и трудолюбии». В те же годы Альфред посещал в Альтенбурге школу ремесел и искусств, в дипломе которой, выданном в 1846 году, значилось: «Учиться дальше ему не составит больших усилий».

Конечно, физический труд и навыки строителя пригодятся будущему естествоиспытателю и путешественнику в разных жизненных ситуациях, а пока его манил к себе отчий дом, и плохая погода и снегопад не могли удержать его от многокилометровых походов пешком из города домой, в родной Рентендорф – поближе к любимым матушке и отцу.

После завершения средней ступени обучения Альфред Брем осенью 1846 года приступил к учебе в архитектурном институте в Дрездене. Но прежде, уже летом того же года, наступил поворотный момент в его жизни. Вюртенбергский барон Вильгельм фон Мюллер (1824—1866) посетил его отца в Рентендорфе для того, чтобы проконсультироваться по некоторым вопросам орнитологии. Мюллер и его старый школьный друг Теодор фон Хойглин (1824—1876), ставший позднее известным путешественником по Африке, переняли от своего учителя, известного орнитолога Кристиана Людвига Ландбека (1807—1890), страсть к изучению птиц. Хойглин уже тогда вынашивал планы большого африканского путешествия, а Мюллер был тем человеком, который мог помочь воплотить его в жизнь благодаря капиталу дедушки, сколоченному в далеком Капштадте в Южной Аф-

рике. Кстати, там же дед купил себе и громкий титул барона… Он уже успел съездить в Алжир и Марокко в 1845 году, где, по его словам, пережил необыкновенные и захватывающие приключения.

И вот теперь этот человек готовился ко второй африканской экспедиции – по изучению тропических птиц. Для этого вояжа он искал молодого скромного секретаря, «обладавшего навыками охоты и препарирования тушек».

Увиденный им в Рентендорфе 18 летний Альфред Брем полностью совпал с образом помощника, который создал в своем воображении Мюллер.

Понадобилось немного времени, чтобы уговорить юношу на такую авантюру. Но поначалу отец и слышать не желал об этом предприятии. «Пока я еще хоть что-то решаю в этом доме, – писал он своему другу орнитологу Фердинанду Хомайеру, – Альфред не поедет ни в какую Африку!» Мы не знаем, как именно удалось убедить пастора отпустить сына, но, вероятно, решающую роль в уговорах сыграла мама будущего «отца животных». Наконец строгий отец благословил Альфреда. К тому же, в конце концов, тот подумал, что сын значительно пополнит его коллекцию, а через год, когда он вернется, жизнь вернется в прежнее русло…

Как бы не так!

В Греции: новые впечатления

Когда в начале июня 1847 года настал час отъезда, у молодого путешественника было тяжело на сердце. Все-таки впервые он покидает он родной дом и пускается в неизвестность, да не куда-нибудь в соседний город или даже в соседнюю европейскую страну, а в далекую и неизведанную Северную Африку!

Получив паспорт в Альтенбурге, Альфред сел на поезд в Лейпциге и доехал до Дрездена, но из-за нехватки денег отправился до Праги, где он должен был встретиться с бароном, пешком, вернее на перекладных, меняя лошадей, благо времени было достаточно.

К удивлению юноши, для него уже подготовили униформу, поскольку Мюллер в Египте решил представить его своим лесником. В пражском имперском кабинете природных коллекций барон надеялся получить рекомендательные письма видных ученых, которые должны были помочь при дальнейших перемещениях. Но если ихтиолог Геккель был готов на этот шаг, то орнитолог Хаттерер проявил сомнения в целесообразности этой услуги, поскольку считал Мюллера шарлатаном.

После короткого пребывания в Триесте, где Брем впервые в жизни увидел море, дождавшиеся погрузки оборудования пассажиры наконец сели на пароход. Здесь все было ново и

интересно – и беготня матросов на палубе, и жаркая преисподняя машинного отделения, и картинки самого побережья Далмации, пробегавшие за бортом как в бесконечном калейдоскопе… Трогир, Сплит, Дубровник… «Мне казалось, что я мечтаю или сплю и вижу сон, и только суета наших буден возвращала меня к прекрасной реальности», – писал он в дневнике.

На четвертые сутки круиза по Адриатике пароход бросил якорь у острова Корфу. С высоко расположенной крепости открывался прекрасный обзор на окрестности.

В самом начале путешествия Альфред начал записывать впечатления.

> ***Из дневника[1]:***
> ***Красивейший Корфу***
>
> «9 го июля только что потухли огни на сторожевой башне острова Корфу, когда пароход “Махмудиэ” вступил в узкий пролив, отделяющий этот величайший из Ионических островов от материка. Бесчисленные виллы, апельсинные рощи и виноградники этого прелестного острова еще были погружены в предрассветный сумрак, а город покоился в ночной тишине, когда мы бросили якорь в виду Корфу. С одного из фортов, построенных на мелких островках, раздались два пушечных выстрела – привет рождающемуся дню. Со всех бастионов крепости

[1] Строки из путевых дневников А. Брема по Африке приводятся в переводе В. Ковалевского.

отвечали веселыми звуками сигнальных рожков и барабанным боем. Багряные облака над вершинами Албанских гор побледнели при первых лучах солнца, шпиль сторожевой башни над маяком загорелся, словно пламенем, город и море подернулись золотистым туманом. Вся эта чудная картина так и горела в блеске солнца. Панорама была восхитительная».

И еще:

«Видимый с моря, Корфу представляется красивейшим городом, какой только можно вообразить себе. На крутых утесах стоят горные крепостные башни, по их стенам и зубцам, так же, как на неприступных скалах, растут кактусы. Растения, которые мы лишь в малом виде видим в своих садах, здесь под солнцем Греции разрастаются в кусты и деревья, а между домами города, построенного уже совершенно на восточный лад, цветут и зреют в своей темной зелени золотые апельсины. Греческие церкви с низкими прорезными колокольнями стоят рядом с жилищами переселившихся сюда англичан, и южные террасы перемешиваются с северными черепичными кровлями. Улицы тянутся по широким уступам, высеченным в береговых утесах, или вьются по отвесным скалам на такой крутизне, что издали кажется, будто дома верхней улицы стоят на крышах домов следующей ниже. Повсюду с величайшим тщанием разведены садики, и везде, где только выдалась на скале площадка, заботливо насажены цветы. Зеленеющие сады и

масличные рощи, миловидные виллы и виноградники с обеих сторон обрамляют эту волшебную картину.

С верхнего укрепления, на котором находятся маяк и сигнальная башня, открывается превосходный вид на остров: он расстилается под ногами как один цветущий сад, ограниченный высокими горами, которые в некотором расстоянии от города совершенно закрывают дальнейшую перспективу. Всюду заметна мощная жизненность природы: растительность чисто южная и, по причине перепадающих здесь дождей, очень роскошная; фауна та же, что в живописных горах противолежащей Албании, или та же, что в соседней Греции. Мы убедились в этом, осматривая небольшую коллекцию чучел здешних птиц».

К вечеру путешественники уже отправились на Итаку, родину Одиссея.

Из порта Пирей Альфред двинулся осматривать Афины. Конечно, он ожидал большего, но Акрополь все же потряс его. На его развалинах будущий зоолог побывал 14 июля 1847 года.

Из дневника:
Храмы Акрополя

«…Мы посетили храмы Акрополя на следующий день, взобрались на крутую скалу с северной стороны, потом повернули на запад и прошли на площадь храмов через единственный вход, охраняемый одиноким сторожем-инвалидом. Варварство и эгоизм соединенными силами тщетно пытались разрушить

эти величавые памятники минувших веков. Большая часть фриза с Парфенона, этого “прекраснейшего здания в прекраснейшей местности света”, приобретена англичанином, который увез его в Лондон и там выстроил для него прескверную башню; из капителей колонн турки жгли известь, а из металлических стержней лили пушечные ядра. Нынешнее правительство (1847 года) заботится о собирании находимых остатков древности и о реставрации памятников. Я, конечно, не намерен вдаваться в описание Акрополя, тем более что скульпторы и живописцы уже давно вымеряли и описали каждый камень каждого храма; довольно сказать, что как ни велики были наши ожидания, однако действительность далеко превзошла все, что рисовало нам воображение».

Уже в те времена Акрополь сильно страдал от вандализма беспечных туристов, безжалостно растаскивавших его на сувениры. Альфред возмущался бездеятельностью греческого правительства, попустительствовавшего разграблению сокровищ Древнего мира.

Путешественники предприняли короткую поездку верхом в глубь страны, которая заметно поколебала их прежние романтические представления о Греции. Реальность оказалась суровее грез. В древних Фивах их ожидал приятный сюрприз – теплый прием у соотечественника, немецкого врача, но и здесь тоже рушились иллюзии юноши о сохранив-

шихся древностях. «Можно едва ли узнать былое величие этих мест, расхаживая по грудам щебня, оставшимся от гигантских построек…» – писал он в дневнике.

Вернувшись в Афины, пассажиры парохода пожелали поближе познакомиться с обычаями греческого народа. В течение дня на улицах было почти пусто, а вот вечером началось оживление, продлившееся до глубокой ночи.

Везде были слышны звуки гитары, которые оказались явно не по душе молодому Брему, выросшему в немецком захолустье. После полуночи наконец все успокоилось. Тут и там прямо на улице лежали спящие бедняки, которым негде было укрыться, и нужно было проявлять чудеса изобретательности, чтобы ни на кого не наступить или, чего доброго, не наехать.

25 июля 1847 года их «Императрица» взяла курс на Египет, берегов которого она и достигла 29-го числа. В дороге судно прилично качало.

Из дневника:
Жертвы качки на море

«Ничего не может быть уморительнее тех гримас, которые выделывают одержимые этою странною болезнью. Я почти совсем не страдал от качки парохода, а потому был способен подмечать все комические сцены, которых мне пришлось быть свидетелем. Те из несчастных, которым приходилось совсем плохо, с трагическою решимостью платили свою дань морским божествам. Забавно было смотреть, как один за другим

покидал свою койку и, судорожно сдерживаясь, с платком у рта, поспешно выбирался из каюты на палубу, “подышать свежим воздухом”. Многие вовсе не могли встать с коек и спокойно переносили на месте все казни, на которые осуждены были судьбою. Более всех страдали, впрочем, женщины. Сквозь дверь их каюты нам были слышны их вопли и стенания, и так как состояние их туалетов при таком недуге не позволяло им показываться из своей тесной конуры, они в самом деле были в жалком положении. Утверждают, что морская болезнь располагает к совершеннейшему равнодушию; я положительно могу засвидетельствовать, что она причиняет на корабле самый невообразимый беспорядок».

Египет: Александрия и Каир

Долгожданные первые шаги по африканской земле, однако, были отложены местной службой здравоохранения: порт Александрии был закрыт. Не привыкшему к жаре юному Брему африканский зной преподнес первый урок: жгучие лучи вызвали ожоги лица у постоянно пребывавшего на палубе путешественника. Наконец пассажиры получили возможность спуститься на берег. Сразу же наняли нескольких ослов и через арабский квартал без приключений добрались до европейского района.

Из дневника:
Солнечный удар

«Ворча и досадуя, покорились мы своей участи; нечего и говорить, с каким страстным нетерпением смотрели мы на близкий берег. Время тащилось медленно, хотя все наше общество прибегало ко всевозможным средствам для сокращения времени пребывания на пароходе. Довольно долго забавлялись мы тем, что стреляли в чаек, которые стаями летали вокруг. Жара египетского июля была нам не под силу; не сообразив еще опасностей этого нового для меня климата, я вздумал для освежения головы снять шляпу, гуляя по палубе. Через несколько минут я уже понес наказание за такое невежество: почувствовал жестокую головную боль, которая все усиливалась и

оказалась лишь предвестницею ужасной болезни, до тех пор знакомой лишь понаслышке, – солнечного удара. Египет оказывал мне плохое гостеприимство».

И далее Брем продолжает:

Из дневника:
Столица Птолемеев

«В первое время в Александрии мне казалось, что я все вижу как бы сквозь сон, однако впечатление, произведенное на меня городом, на первых порах было крайне неблагоприятно. Для новоприезжего в высшей степени любопытно и занимательно проехаться по оживленному многолюдному базару арабского квартала; требуется довольно долгое время, чтобы удержать в памяти впечатления этой новой картины, присмотреться к жизни, знакомой нам только из восточных рассказов; но вся свежесть поэтических впечатлений от этого первого арабского города бледнеет, как только придешь в столкновение со столь известными формами европейской жизни.

В Муски, то есть той части Александрии, которая обитаема исключительно европейцами, арабский отпечаток совсем пропал. Не привив Александрии ни красот, ни удобств европейского города, эта полуцивилизация – или, так сказать, европеизация, только уничтожила здесь восточный характер, лишив улицы всякой прелести и местного колорита».

Брем ожидал встречи с бывшей столицей империи Птолемеев с большим нетерпением. Но он вынужден был с сожа-

лением признать, что если во времена Цезаря число жителей составляло около миллиона человек, то в конце XVIII века это был город всего лишь с 6 тысячным населением, и только при Мухаммеде Али (1805—1849) его значение как порта снова выросло в разы.

Сразу по прибытии на Африканский континент у Альфреда начались проблемы со здоровьем. Особенно плохо переносил он жару.

> ***Из дневника:***
> ***Плавание по Нилу. Жара***
>
> «Я, впрочем, мало был способен заниматься и наслаждаться всеми новыми зрелищами, какие доставляло нам плавание по Нилу. Во время переезда болезнь моя значительно усилилась. Никак не могу описать ее; знаю только, что у меня были жестокие припадки головной боли, отдававшейся преимущественно внутри черепа, как бы в мозгу; когда же они становились невыносимы, то вскоре получалось сравнительное облегчение, в том смысле, что я надолго впадал в беспамятство, бредил и уже вовсе ничего не сознавал и не чувствовал. Только крепкое телосложение спасло меня от погибели, потому что от этой болезни не только многие европейцы, но и туземцы умирают».

Дальнейшее путешествие в Каир проходило на арендуемой бароном Мюллером дахабие – парусной лодке. К сожалению, солнечные ожоги, тепловые удары и связанные с ними головные боли доводили Брема до обморочного состоя-

ния, так что первый круиз по Нилу был значительно подпорчен. Но когда 5 августа юноша впервые увидел на горизонте пирамиды, он не мог больше оставаться на больничной койке.

Из дневника:

«Мне казалось, что я вижу это во сне. Сотню раз я видел пирамиды позже, многократно стоял перед ними, но никогда они не будили во мне таких чувств, как тогда, и именно такими они остались во мне, как величайший памятник древних египтян».

Из Булака, оживленного каирского порта, они добрались, снова на ослах, до своего квартала, где провалялись в кроватях до 11 августа – наверное, сказалась смена климата. А потом началось землетрясение.

Из дневника:

Землетрясение в Каире

«Едва от нас вышел наш доктор Кукини, койки начали трястись, а через несколько минут послышался сильный шум. Мы слышали вопли на улицах, видели, как рамы выпрыгивали из оконных проемов и люди выскакивали из домов. Каждую минуту мы ждали, что рухнет потолок. Дом качался, но стоял. Хотя стихийное бедствие длилось едва ли минуту, она показалась прикованным к постелям людям целой вечностью…

Покорившись судьбе, они ждали последнего удара стихии. Но потом все неожиданно стихло.

В один из таких дней, 7 августа, мы, изнеможенные

и бессильные, лежали по своим кроватям и жаловались на невыносимую духоту в воздухе. Как вдруг услышали как бы раскат грома, на улицах вопли и крики, рев животных и быструю беготню по коридорам отеля; наши кровати зашатались, двери захлопали взад и вперед, оконные рамы и разбитые стекла со скрипом и звоном полетели на пол, штукатурка в нескольких местах растрескалась и обвалилась – мы не могли понять, что все это значит. Затем последовал новый, сильнейший толчок, мы услышали, как где-то по соседству обрушились стены, и почувствовали, что наш дом покачнулся на своем фундаменте. Тогда мы с ужасом поняли, в чем дело: в Каире было землетрясение. А мы, больные и слабые, беспомощно лежали на своих постелях, едва могли шевелиться и не были в состоянии, подобно другим путешественникам, выбежать вон из строения; наше положение было ужасно. Вся катастрофа длилась не более минуты, но нам время показалось вечностью. До сих пор я очень хорошо помню мучительные мысли, овладевшие нашими испуганными умами: опасаясь, что дом сейчас разрушится, мы в смертельном страхе смотрели на треснувшие стены и с покорностью ожидали своей участи. Но дом, построенный европейцами, устоял-таки против ужасного потрясения. Через несколько минут слуга, бежавший мимо нашей комнаты, возвестил нам о спасении. По соседству 17 человек погибли от землетрясения, раздавленные развалинами своих жилищ».

После трех недель болезни Альфред Брем смог наконец выйти на улицу. Постепенно к нему возвращались силы и способность наблюдать и оценивать происходящее. «Это другой мир, который не представлялся мне даже во снах, – писал он. – Это вечно снующая братия босоногих и полуголых людей, на ослах и верблюдах, пешком и на лошадях, феллахи и торговцы в тюрбанах… Оборванные солдаты, украшенные золотыми позументами офицеры, европейцы, персы, турки, греки, бедуины и негры, торговцы из Сирии, Индии, Дарфура, Кавказа… Укутанные в складки черного шелка знатные и важные дамы и простые крестьянки в голубых рубахах и длинных паранджах, скрывающих лица… Верблюды с их огромной поклажей, мулы с товарами, осел, прицепленный к скрипучей тележке и ревущий не менее противно, дрожки, груженные восхитительной посудой, и дорогая лошадь, скачущая галопом на полной скорости… Рабы, погоняемые кнутом, и богато одетый турок на разукрашенном жеребце, гордый жених весь в красном одеянии, водоносы, позвякивающие кувшинами, слепые и нищие, просящие милостыню… Торговцы сладостями и фруктами, пекари и продавцы сахарного тростника… Стоит шум, в котором вы не слышите собственных слов, это толпа, через которую невозможно продраться».

Каждая минута приносила новые впечатления. Из шума уличной жизни Брем попал вдруг в тишину мечети. Мраморный пол был устлан циновками и коврами, а под куполом на

цепях из латуни висели огромные лампы. «Наиболее впечатляющим был высокий сводчатый купол и широкие арки и колонны», – так оценил он мечеть.

Из дневника:
Сказочный Каир

«С одной из батарей Цитадели мы полюбовались поразившим нас видом Каира и его окрестностей; перед нами расстилалась живописнейшая из всех панорам Египта. В южном освещении есть что-то волшебное: глаз не может вполне схватить всей прелести пейзажа, освещенного таким образом. У ног наших лежал сказочный Каир, город, заключающий более трехсот тысяч жителей, с тысячью куполов, минаретов и мечетей, с предместьями, из которых каждое само по себе составляло порядочный город; кругом ландшафты, утопающие в роскошной растительности земли фараонов, перерезанные громадною рекой; непосредственно за ними виднеются сторожевые оплоты против сыпучих песков пустыни, чудо света – пирамиды; на горизонте же тянулась пустыня – однообразная, бледно-желтая, как бы беспредельная и неизмеримая полоса, в которой глаз теряется; таков был вид, представившийся нашим восхищенным взорам. На райской картине ложились вечерние тени, Нил золотою лентой извивался вдаль, через цветущие луга, легкий западный ветер колыхал вершины пальм. Изумленные, мы без слов стояли перед этим зрелищем. Как дальний гром, доносился к нам снизу гул оживленной толпы.

> Наступил час вечерней молитвы – солнце опускалось в бесконечный океан песков, тогда высоко над нами, с вершины стройного минарета мечети, раздался звучный напев муэдзина, провозвестника веры; он взывает к народу: “Hai aal el sallah!” Благочестивый магометанин спешит на молитву, да и христианин чувствует, что в его сердце также теснится воззвание муэдзина: “Да приступи к молитве!”»

Из Цитадели открывалась красивая панорама города и его окрестностей. Тысячи церквей, мечетей, минаретов создавали поистине сказочный вид. Долина Нила была вся в древних развалинах, а на горизонте виднелась бледно-желтая полоса бесконечной пустыни, которой предстояло надолго стать домом для молодого Брема…

В компании миссионеров

В Каире Брем и Мюллер узнали от австрийского консула Лаузина, что вскоре в глубь Африки отправляется группа католических священников, и стали просить чиновника поспособствовать в том, чтобы поехать с ними. Их мольбы не остались без ответа: вскоре просьба была удовлетворена. Основной задачей миссионеров являлось распространение христианского учения среди населения долины Нила. В XIX веке под эгидой Лондонского миссионерского общества, образованного в 1795 году, в Европе создаются многочисленные протестантские миссии. Их «кадры» проходят обучение в особых миссионерских школах, где изучаются местные языки, география и этнология, иначе говоря, осваиваются азы страноведения, а точнее – африканистики.

Конечно, Ватикан не остался в стороне от этого начинания. Именно он назначил главой апостольского совета для Центральной Африки польского иезуита Максимилиана Рилло (умер в 1847 году), который, поддержанный Габсбургами, направился в Хартум. Там он собирался учредить опорный пункт миссии. Именно к нему Мюллер и обратился в Каире с просьбой взять их с собой. Брем характеризует Рилло как «человека редкой одаренности и поистине продуктивной энергии, но иезуита до мозга костей». Уже в Каире Рилло заболел дизентерией, которая позже, после прибы-

тия в Хартум, свела его в могилу.

Реальной опорой и душой всего предприятия стал Игнатий Кноблехер (1819—1858), назначенный после Рилло в 1848 году апостольским провикарием и взявший на себя руководство экспедицией. Брем писал о нем: «Этот жизнелюбивый и одаренный человек считал главной задачей всей жизни достижение конечной цели путешествия, не считаясь с личной выгодой. Пока его коллеги тратили время на бесполезные для дела, хотя и нужные для души молитвы, он беспокоился о повседневных делах, занимался ежедневными хозяйственными работами и вел подробный научный дневник».

В 1849 году он в сопровождении двух священников совершил сложнейший рейд в область Гондокоро, где ранее побывали экспедиции европейских ученых Арно, Сабатье, Тибо и Верна. Кноблехер сообщил об этом в своем отчете «На Белом Ниле», наделавшем много шума в немецких научных кругах.

Брем во всем брал пример с Кноблехера, с которым ему посчастливилось совершить поездку по Нилу. Он учился у него выносливости и научному поиску, хотя и не разделял его религиозных взглядов. Многое перенимал он и у других участников миссии. Отец Эммануэль Педемонт (1802—1867) был одержим охотой и помимо постоянных поучений об истинном пути в этой жизни давал ему уроки меткой стрельбы и обучал правильному обращению с оружием.

Епископ монсеньор ди Маури Кастер сопровождал миссию до Хартума. Он, по словам Брема, не очень дружил с законом Божьим, ибо жил только для плотских удовольствий… А отец Анджело Винко (1819—1853) был так же прост, как и добродушен.

До конца сентября, пока до выезда из Каира оставалось некоторое время, Мюллер и Брем пополняли запасы оборудования и снаряжения и знакомились с новыми для них местами. Особое мероприятие было намечено на 16 сентября – посещение пирамид в Гизе.

С помощью арабских спутников сначала направились к пирамиде Хеопса.

Из дневника:
Вечность боится пирамид

«Солнце давно уже закатилось, когда мы достигли подножия пирамид. При бледном свете луны они казались еще вдвое больше, чем на самом деле. Мы разбили палатку на песке пустыни, сгребли песок по сторонам в кучи, наподобие постелей, накрыли их привезенными коврами, зажгли веселый костер среди палатки, и бивуак наш принял очень уютный и приятный вид. Однако барону Вреде показалось, что недостает чубуков и кофе, он спросил себе трубку и потребовал, чтобы приготовили кофе. Как вдруг погонщик объявляет нам бедственное известие, что предмет наших желаний – позабыт, оставлен. Велико было отчаяние, но утешение не долго

заставило себя дожидаться. Нечувствительный к ударам судьбы, наш практичный проводник взял несколько бутылок привезенного вина и начал приготовлять глинтвейн. Напиток вполне удался и не замедлил оказать свое благотворное действие. Вскоре немецкие песни вырвались из палатки в вольную пустыню, а вслед за песнями и мы потянулись туда же. Выйдя из палатки, мы насладились всею прелестью этой чудной ночи. Исполинские конусы пирамид магически освещались луною и мириадами звезд; свет их изливался на нас в своей неизменной чистоте, воздух был прозрачен и свеж. Спокойствие ночи обнимало пустыню; не слышно было никакого звука, изредка лишь трещал потухающий огонь. Мы не спали почти всю ночь. Перед отходом ко сну Вреде несколько раз выстрелил из ружей, чтобы отбить у соседних арабов охоту к нечаянному нападению на наш лагерь.

Невозможно найти контраста более поразительного, чем тот, который представляют с высоты Хеопсовой пирамиды виды ливийской пустыни с ее необозримыми песчаными холмами и зеленеющей долиной Нила. Величественна панорама, открывающаяся с высоты пирамиды, но еще величественнее мысль, что стоишь на высочайшем сооружении в мире. Много арабов и феллахских женщин последовало за нами на пирамиду; все они принесли по кружке воды, которой предлагали нам утолить жажду за малое вознаграждение. Известное проворство здешних грациозных женщин удивило нас меньше, нежели та ловкость и меткость, с какою

феллахи прыгали с уступа на уступ, чтобы показать нам свое уменье лазить. Один из них взялся в десять минут перейти с вершины Хеопса на вершину Хефрена, и действительно – за два пиастра совершил этот удивительный маневр. Для нисхождения с пирамиды мы избрали ту же сторону, по которой поднялись. Сходить несравненно опаснее и труднее, чем влезать: угол наклонения боков настолько крут, что падение угрожает опасностью жизни. Несколько лет назад один англичанин поупрямился и захотел решительно обойтись без провожатых, но у него закружилась голова, и он расшибся насмерть». Вот он – долгожданный вход внутрь гигантской постройки».

Из дневника:
Внутри пирамиды Хеопса

«С помощью сопровождающих нас арабов мы благополучно сошли вниз и, желая посетить внутренность пирамиды, немедленно отправились ко входу, который находится на 40 футов выше уровня песчаной равнины; однако первый поход до того утомил нас, что мы не решились тотчас предпринимать дальнейший осмотр и должны были предварительно отдохнуть. Мы вошли внутрь пирамиды с зажженными свечами. Острый, противный запах, происходящий от экскрементов летучих мышей (которыми изобилуют все египетские памятники), делает эту экскурсию в высшей степени неприятною.

Чем дальше мы шли, тем странствие становилось

затруднительнее. Совершенное отсутствие вентиляции, постоянно ровная, средняя годовая температура Египта, которая здесь никогда не изменяется, и столбы пыли – все вместе стесняет грудь, да к тому еще приходится двигаться в этом узком и скользком проходе с величайшею осторожностью и в согнутом положении. Таким образом, мы дошли до конца спуска, потом стали подниматься по такому же, круто поднимающемуся вверх ходу, перелезли через несколько огромных каменных обломков и вошли в третий ход, который, быстро повышаясь, становится все просторнее и вводит наконец в “покой короля”. Он имеет 32 фута длины, 16 футов ширины, 18 футов вышины, по стенам выстлан отвесно поставленными громадными камнями, а посредине возвышается саркофаг в 7 футов длиною и 3 фута шириною, который сделан из такого же полированного гранита, как и стены; когда по нему ударяют, саркофаг издает гудящий звон, который, многократно повторяясь под сводами покоя, напоминает собою звон колокола.

“Покой королевы” помещается ниже, но во всем остальном совершенно сходен с первым. Кроме этих двух пустот найдены до сих пор еще только две: во-первых, комната, в которую влезают по ступеням, или, скорее, деревянным перекладинам, вбитым в каменную стену; во-вторых, глубокий колодец, или шахта, которую успели уже исследовать на глубину 200 футов. Но пыль и духота до того утомили нас, что на посещение двух последних диковинок у нас не хватило

любознательности.

Чем дальше мы продвигались, тем более трудным представлялся поход. Нехватка воздуха сдавливала грудь, мы были вынуждены буквально ползти согнувшись в три погибели и с большой осторожностью. Там мы добрались до конца коридора и оказались у горизонтального расширения, поднялись на уровень нескольких каменных блоков и вошли в высокий проход, который привел нас наконец к царской усыпальнице. Стены кафедры были выполнены из полированного гранита, как и саркофаг, который при ударе в него звучал как колокол, а стены отражали звуки… Так как пыль и духота мешали дышать, мы покинули помещение достаточно быстро.

Вскрытые могилы, остатки стен, готовые и незаконченные статуи, окаменелые груды строительного раствора и другие фрагменты прошлого вповалку лежали вокруг пирамид».

Там же, в соответствии с точно предопределенным порядком, располагались мастабы – каменные гробницы бесконечных родственников и придворных фараонов. На протяжении тысячелетий большой царский могильник полуразрушился от эрозии и прочих бедствий и представлял во времена Брема довольно жалкое зрелище.

За три десятилетия до него здесь побывала экспедиция Джованни Батисты Бельдзони (1778—1823), положившая начало эпохе изучения всего это чуда света, продолжающегося до сих пор.

Из дневника:

Отплытие из Каира

«При грохоте прощальных салютов покидаем мы Каир. На душе у нас немного грустно: мы чувствуем, что отрешаемся и от последних признаков цивилизации, как будто навсегда прощаемся с отечеством. Однако страстная охота посмотреть чужие страны превозмогает: мы не без удовольствия видим, как один за другим исчезают из наших глаз дома Булака. С острова Роды повеяло на нас благоуханиями, минареты цитадели, еще недавно сиявшие перед нами в лучах солнца, понемногу заволакиваются сумерками, проезжаем мимо Старого Каира – и вся столица халифов исчезла из вида. С наступлением ночи ветер спадает и лишь слегка надувает наши распущенные паруса, тихо плещутся струйки вокруг носа барки, и мелодический говор священного потока отдается в нашей душе».

В глубь Африки

27 сентября 1847 года Брем и Мюллер в компании священнослужителей поднялись на борт большой парусной лодки. Нильское путешествие началось.

Из дневника:

Кувшины, охлаждающие воду

«Запасаясь в Каире разною утварью, необходимою по нашим европейским понятиям на время поездки по Нилу, отнюдь не следует забывать кувшинов для охлаждения воды. В Египте с незапамятных времен изобретены глиняные кувшины, которые через мельчайшие поры своих стенок постоянно “просачивают” некоторое количество содержащейся в них жидкости: она является на поверхности кувшинов в виде крошечных капель, которые постепенно испаряются и тем постоянно охлаждают и самый сосуд, и его содержимое. Такие кувшины бывают двух родов и называются сир и кхула. Первый объемистее, в него наливают большое количество воды прямо из Нила, чтобы дать ей отстояться и очиститься, а во втором, меньшего размера, такую отстоявшуюся воду только холодят для непосредственного употребления. Сир – большой сосуд, вмещающий до двух ведер, имеет форму сахарной головы, ставится на пол острым концом вниз и наполняется водою. Масса, из которой он сделан, более пориста, и хотя ее поры

довольно мелки, чтобы очищать пропускаемую через нее воду, просачивание происходит здесь обильнее и быстрее. Вода, процеженная таким образом, стекает в муравленую чашу и уже оттуда разливается в маленькие, изящные и разнообразно вылепленные сосудики кхула-ли, в которых можно охладить ее до +8 °R».

Просторные каюты давали возможность комфортно проводить время. На затенененной палубе можно было подолгу наслаждаться поездкой. Плодородные поля и густые леса чередовались с бесплодными равнинами и не менее бесплодными каменистыми осыпями. К сожалению для Брема, поскольку миссия осуществлялась в спешке, он мог пользоваться только утренними краткосрочными пребываниями на берегу. Так что многое из того, что он мог увидеть и главное – описать, оставалось для него недостижимым…

Из дневника:
Злой дух египтян

«Когда мы входили в какое-нибудь селение, нас немедленно окружала толпа больных, принимавших нас за медиков и просивших о помощи. В деревне Коссеир мы нашли двух страждущих лихорадкою, из которых один был болен три месяца, а другой уже тринадцать месяцев. Несчастные, не ожидавшие ниоткуда врачебной помощи, терпеливо ожидали исхода своих страданий – смерти. Местные лекари и знахари бессильны против лихорадки – этого

египетского злого духа. Они просили у нас лекарств для своих больных и надеялись вылечить их через несколько дней».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.